

О. С. Нагорная

«Если друзья сочтут целесообразным выдвинуть... мы поддержим»: Международные Ленинские премии мира в системе советской культурной дипломатии*

Международные Сталинские (позже — Ленинские) премии вручались с 1950 по 1990 г. советским и зарубежным деятелям науки, культуры, представителям общественных организаций и политическим деятелям «независимо от их политических взглядов, партийной принадлежности, религиозных убеждений и расовых различий, если их научные труды, произведения литературы и искусства или общественная, религиозная и другая деятельность представляют собой выдающийся вклад в дело укрепления мира между народами»¹. За 40 лет лауреатами стали 173 представителя разных стран, среди них большинство символических фигур эпохи холодной войны, включая Н. Хрущева, Л. Корвалана, А. Дэвис, И. Ганди, Н. Манделу и т. д. Размах финансового и медийного сопровождения вручения премий с советской стороны, позиционирование церемонии внутри социалистического лагеря и на международной арене, а также активное противодействие западных стран подобным репрезентациям идеи советского миротворчества привлекают внимание к изучению советского символического проекта в ракурсе транснационального измерения биполярного соперничества.

В последние годы исследователи холодной войны прилагают интенсивные усилия по выравниванию сложившегося дисбаланса в изучении ее культурного измерения: до недавних пор здесь преобладали работы, посвященные

***Нагорная Оксана
Сергеевна***

доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия)

американскому культурному присутствию в странах Западной и Восточной Европы². По мнению Н. Гоулд-Дэвиса, автора одной из программных статей данного направления, контекстуализация советской культурной дипломатии помогает лучше понять «развитие культурных отношений не только потому, что эти отношения требовали согласия двух сторон, но и потому... что именно Советский Союз диктовал темпы их развития»³. Сегодня активно изучаются феномен въездного и выездного туризма в условиях железного занавеса⁴, научные и образовательные обмены⁵, концертная деятельность⁶. Менее исследованной остается специфика иных каналов и инструментов символической репрезентации СССР на международной арене: транснациональных сетей послов культурной дипломатии, неформальных контактов в рамках формализованных институций.

Настоящая статья посвящена изучению институциональной истории Комитета по вручению Международных Ленинских премий мира и презентационного оформления его решений в виде публикаций и торжественных мероприятий. Как представляется, это позволит реконструировать специфику формирования и трансляции советского миротворческого дискурса, каналов и способов воздействия на международную общественность в разные периоды и в разных регионах мира, а самое важное — рецепцию советских культурно-дипломатических посланий снизу.

В качестве источниковой базы к анализу были привлечены фонд Комитета Международных Ленинских премий: помимо стенограмм заседаний, переписки членов комитета, протоколов торжественного вручения премий в СССР и других странах, в этом фонде содержится переписка комитета с частными лицами или организациями разных стран, которая отражает репрезентативность деятельности комитета и ее восприятие рядовыми гражданами. Небольшой пласт материалов составили документы Политбюро ЦК КПСС; с их помощью можно обозначить степень партийного контроля над деятельностью комитета. Кроме того, при анализе использованы пресса и публицистика, информационные материалы о деятельности комитета.

Сталинские/Ленинские премии мира: институциональная и персональная история. В новейших исследованиях констатируется кризис структур советской довоенной культурной дипломатии, которые не соответствовали задачам репрезентации Советского Союза как страны-победителя. Однако специфика институционального и медийного оформления внешнеполитических посланий в условиях «холодной войны культур» еще недостаточно изучена. Следует согласиться с мнением большинства авторов, согласно которому лишь в беспрецедентный период хрущевского «культурного наступления» констатируется стремительное расширение каналов взаимодействия с иностранной общественностью⁷. Однако дискуссии о необходимости презентации СССР на международной арене в новой роли державы-победителя и первые импровизации по формированию лояльности новых восточноевропейских партнеров наблюдались уже в период позднего сталинизма. Документы отделов ЦК свидетельствуют о том, что активная подготовительная работа по учреждению советского символического проекта как альтернативы Нобелевской премии началась в декабре 1947 г.: в докладной записке на имя Жданова агитпроп ЦК подчеркивал враждебную к СССР позицию Нобелевских премий и настаивал на том, что «в современных условиях задачу

поощрения передовой культуры и роль арбитра в оценке научных и культурных достижений во всех странах должен взять на себя Советский Союз как самая передовая страна в мире». При этом основной целью премий виделось именно влияние на различные целевые группы враждебных капиталистических государств и стран в только что приобретенной сфере влияния: «Учреждение международной Ленинской премии еще более повысит авторитет Советского Союза в глазах передовых людей мира, ускорит процесс дифференциации интеллигенции в капиталистических странах, консолидирует демократически настроенных деятелей науки, искусства и литературы, а также усилит влияние Советского Союза в кругах интеллигенции дружественных стран Восточной Европы»⁸.

Решение об учреждении советского варианта премий мира принято Президиумом Верховного Совета СССР в 1949 г. к 70-летию И. Сталина: предполагалось вручать их ежегодно ко дню рождения вождя, первое присуждение планировалось в 1950 г. Партийно-государственный характер инициативы должен был завуалировать специально созданный комитет, который имел подчеркнuto интернациональный статус благодаря включению в его состав представителей «демократических сил» со всего мира. В первом составе комитета преобладали представители науки и писательского цеха, имевшие международное признание и зарекомендовавшие себя как «друзья Советского Союза» еще в межвоенный период⁹. Помимо широкого географического охвата стоит подчеркнуть специфику выбора советских представителей — все они имели широкую сеть личных международных контактов в профессиональной сфере, являлись членами комитетов мира, возглавляли общества дружбы СССР с другими странами и активно использовались как послы советской культурной дипломатии. Назначение в качестве председателя ученого с мировым именем можно рассматривать не только как дань беспрецедентному для эпохи авторитету науки, но и как попытку использования представлений об объективности ученых для придания веса решениям комитета.

В 1956 г., на волне дискуссий о культе личности и начавшейся десталинизации, премия и сам комитет переименованы и отныне носили имя В. И. Ленина: уже врученные медали и дипломы предполагалось перевыпустить в новой символике¹⁰. Впечатление демократизации деятельности комитета, соответствующей эпохе оттепели, должен был создать новый порядок выдвижения кандидатов: если раньше этим правом обладали только сами члены комитета, то с 1957 г. оно передано национальным и международным общественным организациям¹¹. Хотя окончательное решение по выдвижению и выбору кандидатур оставалось за Комитетом, на протяжении всей истории данной институции центральным был вопрос о степени ее независимости в принятии решений, что не только порождало внутренние конфликты, но и негативно влияло на его имидж.

Для деятельности комитета было предусмотрено весьма щедрое финансирование. До 1961 г. к золотой медали с изображением Сталина (позже — Ленина) прилагалась сумма в 100 тыс. руб., после денежной реформы — 25 тыс. руб. Помимо величины суммы следует учесть, что чаще всего премия вручалась иностранным лауреатам в долларовом эквиваленте — по «имиджевому» для советского рубля высокому курсу. При посещении СССР лауреаты пользовались всеми благами советской системы здравоохранения, включая курорты и кремлевские санатории,

каждый визит был простроен по сценарию довоенного культпоказа: посещение театров, научных институтов, встреча с творческими деятелями, выезды в Ленинград и союзные республики, торжественные приемы¹².

Важность деятельности комитета для трансляции миротворческих усилий СССР не только на международной арене, но и внутри страны подчеркивается медийным отражением его решений. Протоколы в обязательном порядке публиковались в центральной печати («Правде», «Известиях»), часто этому отводилась газетная передовица, где размещались фотографии и полный текст поздравительных и ответных речей. Объем информационного сопровождения увеличивался в случае чествования советских государственных деятелей, например Н. Хрущева и Л. Брежнева: издания публиковали свидетельства восторженной реакции прогрессивной международной общественности на вручение наград. Кроме того, ежегодно печатались тематические брошюры, которые включали в себя биографии лауреатов, список их публикаций, перечень рекомендованной для дополнительного чтения литературы¹³. Присуждение награды деятелю конкретной отрасли науки и творчества освещалось в специализированных журналах¹⁴, регионоведческие издания спешили разместить обзоры о деятелях конкретной страны, входившей в сферу их информационных интересов¹⁵.

На фоне использования максимального количества каналов оповещения в СССР и социалистических странах о присуждении Сталинских/Ленинских премий мира за границей комитет в первые годы был вынужден работать в условиях информационной изоляции. Так, Д. Скобельцын сетовал, что зарубежные газеты отказываются публиковать сообщения, даже если премию получал их соотечественник, поэтому члены комитета настоятельно призывались использовать персональные контакты и выходить на прессу своей страны не по официальным каналам, а лично¹⁶.

Подчеркивая важность географического охвата стран и континентов при выборе номинантов и лауреатов в целом, члены Комитета на деле продвигали интересы региона или конкретного государства, которое они сами представляли. Так, Пабло Неруда каждое заседание настаивал на включении общественного деятеля стран Латинской Америки, ранжируя очередность в зависимости от размера государства или актуальной политической ситуации¹⁷. Ян Дембовский аргументировал регулярное выдвижение им польских кандидатов представлениями о Польше как третьей после СССР и Франции родине всего миротворческого движения¹⁸, Го Мо-жо, в свою очередь, оценивал выдвинутых другими кандидатов по степени защиты ими интересов китайского народа¹⁹.

Включение в список лауреатов представителей определенных государств в целом отражало повороты советской культурной дипломатии. В первые годы подавляющее количество премий вручалось деятелям европейских стран. Лидером здесь стала Франция (13 лауреатов за 40 лет), несколько меньшее количество наград получили граждане ГДР, Великобритании, США. Сразу же в фокусе внимания оказался латиноамериканский регион, представителям которого вручались премии практически каждый год. В 1960–1980-х гг. интерес переместился на арабский мир и африканские государства. Примечательно, что с 1960 г. премии перестали присуждаться советским деятелям: за весь период лауреатами стали

шесть представителей СССР, все — виднейшие фигуры культурно-дипломатического фронта СССР, но они относились к старшему поколению. Позднейшее исключение было сделано только для Л. И. Брежнева, отмеченного престижной наградой в 1973 г. за политику разрядки.

Анализ профессиональной принадлежности лауреатов подтверждает тезис о пересмотре основ внешнеполитических репрезентаций довоенного периода в связи с возрастающей дисперсностью глобальных интересов СССР. Вопреки атеистическим установкам советского государства премии мира целенаправленно вручались лидерам религиозных конфессий. Так, уже в первую группу кандидатов вошел английский священник Х. Джонсон, который, правда, еще до войны проявил свою дружескую позицию, с 1932 г. став вице-президентом лондонского Общества культурного сближения с СССР, а с 1948 г. — президентом Общества англо-советской дружбы²⁰. О «большом значении» включения в списки лауреатов «активных деятелей, представителей католиков» регулярно говорили и сами члены комитета²¹. Важность использования религиозного фактора возрастала в случае решения конкретных задач по стабилизации отношений со странами социалистического лагеря.

Политическое целеполагание проекта в целом вынуждало комитет придавать большое значение позиции самих номинантов по отношению к премии: риск непринятия и международного имиджевого скандала заставлял заранее выяснять мнение конкретного лица. Часто это максимально затрудняло процедуру выдвижения и утверждения: согласие кандидатуры необходимо было получить до заседания комитета, так как в случае отказа терялся бы смысл обсуждения. Вместе с тем, анонсировав номинацию, члены комитета боялись оскорбить конкретного деятеля отрицательным итогом и чувствовали себя несвободными в своих решениях. Выход из данного тупика так и не был найден.

Однако даже в случае предварительного выдвижения и согласования кандидатуры политическая ситуация холодной войны вносила свои коррективы. Например, П. Неруда, выдвинувший в 1960 г. кандидатуру К. Блеста, через год отклонил ее под тем предлогом, что вручение премии негативно скажется на позиции профсоюзов в Аргентине²². В 1955 г. по просьбе Э. Вижери «в связи с обстановкой, сложившейся во Франции», его имя как лауреата, уже подтвержденное протоколами комитета и выпуском диплома и медали, было изъято из публикаций в СМИ и оглашено только двумя годами позже²³. Несмотря на тщательные предварительные согласования, иногда лауреаты под давлением политической ситуации отказывались от их принятия, что вызывало негативную реакцию прессы в зарубежных странах²⁴.

Предельно политизированный и публичный характер премиального проекта сказывался и на обращении с полученной немалой суммой. Среди государственных деятелей сложилась традиция передавать средства в пользу миротворческих организаций у себя на родине, часть деятелей науки и культуры торжественно переводила деньги в пользу актуальных кампаний борьбы за мир. Так, в 1970-х гг. целый ряд лауреатов (Р. Гуттузо (Италия), Ц. Драгойчева (Болгария), К. Бахманн (ФРГ)) перечислили деньги во Вьетнам в целях восстановления гуманитарных учреждений страны²⁵. Данные шаги широко отражались в прессе как успехи советских миротворческих инициатив.

«Требуется чрезвычайная осмотрительность»: закулисье комитета и вопрос о самостоятельности решений. Как уже упоминалось, вопрос о самостоятельности и свободе решений комитета отягощал на протяжении всего периода как его внешний имидж, так и внутренние дискуссии. Первое заседание полностью прошло под знаком «чрезвычайной осмотрительности» по поводу выбора кандидатов. Ввел это понятие в дискуссию И. Эренбург, что создает впечатление о наличии установок сверху, ибо отклонение от них звучало именно от зарубежных членов комитета. На предложение Й. Келлермана внести в список кандидатур представителей ГДР А. Зегерс и И. Бехера Эренбург заметил, что «в первый раз не следовало бы присуждать премии гражданам Советского Союза, а также борцам за мир из числа граждан стран народной демократии и Германской демократической республики. Исключения могут быть только для государств, которые поставлены сейчас остро на гребень борьбы за мир, как великий Китай и как Корейская народная республика. Наконец, последнее соображение. Среди членов Комитета имеются крупные деятели, которым было бы желательно присудить премии. Такие кандидатуры в предварительных разговорах назывались. Но мне кажется, что и здесь лучше подождать второй сессии, чтобы не ставить наши решения под удар»²⁶.

Очевидно, что советские партийные органы не столько использовали средства открытого давления на членов комитета (это похоронило бы саму затею), сколько манипулировали составом органа, куда включались проверенные длительным периодом научного и культурного сотрудничества с СССР представители международной общественности. Кроме того, Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран действовал через советских членов комитета: в 1958 г. Ю. Андропов настоятельно рекомендовал им поддержать выдвижение и продвижение определенных кандидатур²⁷. Напротив, три года спустя МИД в лице А. Громыко высказался против идеи комитета присудить премию вождю кубинской революции. По мнению министра, это могло негативно повлиять на позиции Ф. Кастро в Латинской Америке, где преобладало убеждение о полной зависимости кубинского лидера от Москвы²⁸. Наконец, протоколы содержат оговорки Д. Скобельцына о том, что он использовал перерывы в заседаниях для контакта с представителями курирующих органов. При решении вопроса о расширении комитета в 1953 г. он говорит прямо: «Что касается всего остального, то надо просить инстанции, которым надлежит решать этот вопрос, учесть высказывания, которые здесь были»²⁹. Можно предположить, что этот канал связи использовался им и в других случаях. Примечательным выглядит его ответ Дембовскому на заседании 1962 г. о причинах, по которым он настаивает на кандидатуре Эренбурга, а не Т. Лысенко: «Мне кажется, что Комитет разделит ту точку зрения, что при выдвижении кандидатуры, необходимо считаться с мнением советских общественных организаций. Могу здесь сообщить, что советские организации поддерживают в этом году кандидатуру... Эренбурга». Дембовский: «А как с кандидатурой Лысенко? Нельзя ученых обижать». Скобельцын: «Что касается кандидатуры Лысенко, то нужно считаться с мнением советских общественных организаций, а они выдвигают на этот год только Илью Эренбурга»³⁰ (конкретные организации не назывались).

Косвенным средством воздействия на членов комитета можно рассматривать условия их работы и приема в СССР. Им и членам их семей оплачивались перелет и размещение в номерах люкс гостиницы «Националь», на время пребывания к ним прикреплялись личный переводчик и водитель со служебным автомобилем, организовывалось персональное культурное обслуживание, выдавалось 200 руб. на личные расходы, 300 руб. полагалось члену семьи³¹. Члены комитета широко использовали предоставленные им возможности: например, С. Сокхей на протяжении целого ряда лет целенаправленно совмещал заседания комитета с лечением у лучших советских офтальмологов и санаторным отдыхом³². В разные годы восемь членов комитета становились лауреатами премии — это было важным символическим поощрением их лояльности. Ради соблюдения этикета заседания в таких случаях проходили в их отсутствие.

Подобные средства косвенного воздействия, однако, не всеми членами комитета принимались безоговорочно. В 1964 г. в соответствующий отдел ЦК были переданы документы о конфликтном поведении А. Зегерс, воспротивившейся своей роли простого голосующего за кандидатов, «заранее намеченных и одобренных руководством ЦК КПСС». В беседе с советским представителем писательница заявила о желании «иметь полное право свободы высказывать личное мнение в отношении кандидатур на присуждение» и рассчитывала, что «с этим мнением будут также считаться». В противном случае она пригрозила не приезжать на заседания, обозначенные ею как «трата времени». В качестве средства давления на ее свободу Зегерс обозначила в том числе роскошный прием советской стороны, от которого она не хотела зависеть, и выражала свою готовность взять материальные расходы на себя³³. В кейсе Зегерс примечательны два момента. Во-первых, данный конфликт остался за дверями комитета и не отражен ни в одном протоколе, только во внутрипартийных документах. Во-вторых, реакция на протест писательницы со стороны советских органов оказалась незамедлительной: в течение года был разработан проект постановления ЦК КПСС об активизации деятельности комитета, пересмотре порядка выдвижения и обсуждения кандидатов, а также расширении его состава за счет представителей азиатского и африканского регионов³⁴.

Сложное закулисье выдвижения и утверждения кандидатов раскрывает перед нами особенности использования данного инструмента в период кризисов социалистического лагеря. Так, в разгар подавления революционных событий в Венгрии 1956 г. Ванда Василевская (к тому времени — один из опытейших послов советской культурной дипломатии) внесла предложение об обязательном вручении премии одному из венгерских прогрессивных деятелей, «желательно католику»³⁵. Тогда же велись интенсивные согласования с польским правительством, также столкнувшимся с антисоветскими настроениями населения, о его позиции по поводу возможности вручения премии польскому ученому и государственному деятелю Оскару Ланге³⁶. Идею о присуждении премии представителю мятежной Венгрии комитет реализовал в 1961 г.³⁷ И хотя кандидатура Иштвана Доби была выдвинута Всевенгерским советом мира, в центре внимания комитета оказались именно революционные события в Венгрии: «Эта кандидатура не вызывает никакого сомнения. Я лично знаю его, особенно по событиям 1956 г. Вся

история его жизни полностью отвечает тем представлениям, которые у нас есть при выдвижении кандидатур»³⁸.

Схожий символический инструмент внешнеполитического воздействия был использован и в ходе трагических событий подавления Пражской весны. Уже в 1968 г. советская сторона активно использовала отработанные десятилетиями средства культпоказа и демонстрации своих симпатий к новому главе ЧССР — Людвигу Свободе³⁹. Апогея эти усилия достигли в 1970 г., когда Международная Ленинская премия вручалась после двухлетнего перерыва в рамках масштабных юбилейных празднеств к 100-летию вождя мирового коммунизма. На заседании комитета в очередной раз возникли дебаты о целесообразности присуждения наград главе государства, однако большинство членов комитета, соглашаясь с «деликатностью» и «щепетильностью» ситуации, ссылались на недавние события в Чехословакии и роль президента в их «мирном» разрешении и были уверены в положительном международном, а также внутривнутриполитическом эффекте присуждения Л. Свободе премии мира⁴⁰.

Сценарность *event*-менеджмента советской культурной дипломатии.

Масштабно инсценированные мероприятия вручения Международной Ленинской премии, использовались в целях внешнеполитической репрезентации СССР и соцлагеря, тем более что значительная часть церемоний проходила в зарубежных странах и становилась важным медийно-информационным поводом. Здесь следует указать на позицию другой стороны в холодной войне по отношению к этому способу продвижения миротворческих усилий соцлагеря: часть номинантов из числа граждан США не могла получить визу для прибытия в СССР, на другую оказывалось мощное давление. Так, после известия о вручении ему премии мира священник из США А. Моултон не только отказался ее принять, но и стремительно покинул все миротворческие организации⁴¹. Подобная запретительная политика, в свою очередь, искусно использовалась советскими культурными дипломатами: вручения премии Г. Фасту и П. Робсону, организованные в крупных отелях Нью-Йорка, позволили мобилизовать местную публику, лояльную к СССР, и превратить церемонию в информационный повод «на территории противника». Вручение премии С. Итону — известному американскому филантропу и спонсору Пагуошских конференций — было решено перенести в Канаду и использовать его для интенсификации контактов с местными политическими деятелями⁴².

Вручение премий на территории СССР происходило в Свердловском зале Кремля в присутствии около полутысячи человек, включая многочисленную делегацию из страны, которую представлял лауреат⁴³. Церемония сопровождалась торжественным обедом для более узкого круга лиц, при этом программа визита выстраивалась в лучших традициях межвоенного культпоказа. Канонический подбор выступающих соответствовал следующей схеме: речи представителей стран соцлагеря сменялись выступлениями деятелей наиболее дружественных капиталистических стран (например, Франции), а также государств, освобожденных от колониальной зависимости. Неизменным являлись выступления советских трудящихся — бригадиров образцово-показательных коллективов.

В речах приглашенных ораторов отчетливо отражается установленная иерархия стран, устойчивые формулировки господствующего политического дискурса.

В выступлении советского посла А. Арутюняна на вручении премии С. Итону про- являются основы советской миротворческой риторики о сосуществовании двух систем в период хрущевской оттепели: «Вы родились в Пагуоше, на канадской ферме. Наш председатель Совмина Никита Сергеевич Хрущев тоже родился на ферме. Несколько десятилетий тому назад два деревенских мальчика в разных странах... начали свою жизнь по-разному... Вы оба удостоены Международной Ленинской премии. Это является символом того, что общие усилия всех наций, независимо от их социального строя, направлены и должны направляться на достижение возвышенной цели на укрепление мира»⁴⁴. На вручении премии Н. Хрущеву А. Зегерс вписала в свою речь риторику вины и освобождения граждан ГДР через причастность к достижениям мировой культуры: «Я обращаюсь к Вам на языке, на котором отдавались преступные приказы, распространялась ложь, клевета и измышления. Но, в то же время, это язык Маркса, Гете, Гейне, язык разума и любви к человеку»⁴⁵.

«Весь народ будет рад, если у Д. Эйзенхауэра будет на груди блеснуть значок Лауреата Ленинской премии»: рецепция премий населением СССР и других стран. Все послания в адрес комитета можно условно разделить на две группы: официальную коммуникацию ведомств и организованных в группы граждан, а также спонтанный отклик отдельных лиц на изменения советской риторики о мире.

Первая, наиболее многочисленная, группа посланий состоит в основном из просьб о присылке материалов для выставок, школьных музеев и клубов интернациональной дружбы (КИДов). Всплеск внимания общественных организаций СССР и социалистических стран к деятельности комитета наблюдался в 1969 г. — в преддверии 100-летия Ленина, чье имя носили премии. Так, при создании в Ташкенте филиала Центрального музея Ленина в одном из залов «музея, посвященном торжеству бессмертных ленинских идей на современном этапе развития» было предусмотрено экспонирование знака Лауреата Международной Ленинской премии и образца диплома⁴⁶. В связи с грядущим юбилеем Ленина школьники получили задание дополнить музеи и клубные уголки учебных заведений материалами о лауреатах ленинской премии, что обусловило резкий рост числа обращений. При этом письма в комитет поступали и от молодежи других стран соцлагеря: например, болгарские кидовцы из г. Русе к просьбе об отправке материалов приложили стихи собственного сочинения на русском языке: «Как хорошо с Лениным остановиться в коммунизме...»⁴⁷ В ответ на каждое обращение работники комитета высылали фотографии, материалы либо указания на публикации в прессе, помогали школьникам устанавливать контакты с новоизбранными лауреатами.

Блок индивидуальных обращений со стороны взрослого населения демонстрирует впечатляющий уровень политической сознательности и информированности советских граждан о международной ситуации. Часть корреспондентов, высказываясь о принятых комитетом решениях либо предлагая собственных кандидатов, считали своим долгом привести обзор международной ситуации, который часто достигал нескольких рукописных страниц. Николай Н., пенсионер и член КПСС, обращаясь в Комитет в 1972 г. писал: «Я храню газеты по одной за каждый год с опубликованием этих Ленинских лауреатов, прошу сообщить за 1968,

1969, 1970 гг. А вот с 1968 г. я не вижу постановлений. Или перестал действовать Комитет? Или нет людей, заслуживающих Ленинского лауреатства? Очень прошу мне ответить». Комитет информировал, что в 1969 и 1971 гг. заседания не состоялись, и давал ссылки на центральные издания⁴⁸.

Действительно большое количество писем было направленно в комитет (и целенаправленно сохранилось в фондах) с предложениями присудить премию Н. С. Хрущеву, причем часть из них также сопровождалась подробным описанием международной ситуации⁴⁹. Широкая инициатива снизу позволила комитету отчитаться перед курирующими органами в успешности своей деятельности: по результатам этих обращений была составлена справка для ЦК КПСС⁵⁰.

Часть писем отражала реакцию на противоречия советского миротворческого дискурса, а также непонимание рядовыми гражданами стремительных, часто конъюнктурных и непоследовательных поворотов советской внешней политики. Школьный учитель из Уфы ставил под сомнение правомерность решений Комитета о присуждении премий советским деятелям: «Между тем у нас борьба за мир является общенародным делом, и невозможно выделить особо отличившихся. Другое дело за рубежом. Там борцы за мир рискуют, их преследуют и требуется от них отменное мужество, чтобы выступить против агрессивной политики многих государств или правительств. У нас не то. Говоря откровенно, вряд ли уместно присуждать Ленинские премии “За укрепление мира между народами” советским людям. Ведь в своей борьбе они не рискуют, в тюрьмы не попадают и т. д. Зачем же их награждать? Не лучше ли весь фонд Ленинских премий присудить зарубежным борцам за мир? Чтобы награждение не носило декларативного характера, а было действительно заслуженным?» Далее автор письма излагал свои предложения по кандидатурам будущего года⁵¹.

Многолетняя переписка с Николаем Д. раскрывает нам не только позицию гражданина, который с завидной регулярностью предлагал вручить премию «патриарху всея Руси Алексею», но и механизмы взаимодействия комитета с партийными органами. Жалуясь на отсутствие очередного ответа от комитета (по мнению Николая Д., это «идет вразрез учению бессмертного Ленина»), автор писем упоминал, что его вызвали в Харьковский горисполком для воспитательной беседы по поводу содержания писем⁵². На подобные обращения комитет отвечал стандартной формулировкой: правом выдвижения кандидатов обладают только коллективы, а не отдельные лица⁵³.

Письма о необходимости присуждения премий религиозным деятелям не были единичными. В качестве фигуры, которая, по мнению корреспондентов, заслуживала высокой награды, назывался митрополит Московский и Крутицкий Николай, по должности входивший в ряд международных организаций. Автор одного из писем был убежден, что «награждение... великого и значительного во всех странах борца за мир... имело бы большое значение и немалое также вдохновение, на борьбу за мир во всем мире всех религиозных людей, не только православных и не только проживающих в СССР»⁵⁴. Однако если символическое поощрение зарубежных религиозных деятелей, как уже упоминалось, отвечало целеполаганию советской культурной дипломатии, то поддержка международного авторитета Русской православной церкви в эти планы не входила.

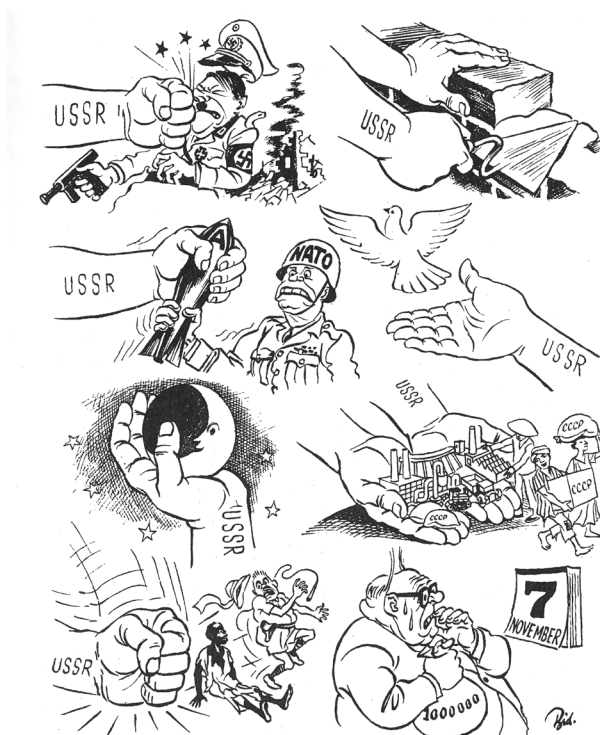
В попытках осмыслить поворот к беспрецедентной открытости СССР советские граждане старательно пересматривали закрепившиеся образы холодной войны, хотя продолжали использовать канонические антиамериканские образы. Ссылаясь на речь Хрущева, один из корреспондентов внес неожиданное предложение вручить премию президенту США Д. Эйзенхауэру, «чтобы отбить эти штыки капитала... которые ныне имеют силу в США. Ведь Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр нашли общий язык и идут к одной цели — к миру. Н. С. Хрущев — лауреат Ленинской премии, а Д. Эйзенхауэр еще нет. Я думаю, надо Вам заняться этим делом, и весь народ будет рад, если у Д. Эйзенхауэра будет на груди блеснуть значок лауреата Ленинской премии»⁵⁵.

Противоречия советской пропаганды и миротворческого дискурса замечались не только в СССР, но и в социалистических странах. В 1962 г. на имя Д. Скобельцына поступило возмущенное письмо польских товарищей: «К великому нашему изумлению среди лауреатов 1962 г. оказался и псевдохудожник нашего времени Пабло Пикассо! Должен оговориться, что нам ничего неизвестно об общественной деятельности П. Пикассо... Мы еще могли понять, когда эта пикассовская “мафия” имела огромный успех на вырождающемся западе, но для нас было громом среди ясного неба такое изумительное возвеличение Пикассо в Советском Союзе — это погружает нас в состояние безнадежности и уныния... быть может Вы найдете немного времени и напишите нам хоть несколько слов, чтобы рассеять наше недомыслие и тяжелое уныние»⁵⁶.

* * *

Таким образом, обращение к документам и материалам, отражающим историю вручения Международных Ленинских премий мира, позволило не только глубже проанализировать специфику советской культурной дипломатии, но и продвинуться в понимании функционирования биполярного мира, сложной интеракции его центров и периферий в условиях «холодной войны культур». Эффект реализации проекта продвижения «миротворчества по-советски» и символического поощрения определенной категории выдающихся акторов холодной войны проявился и во внутренней, и во внешней среде.

Лауреаты Ленинских премий мира становились важными звеньями культурно-дипломатической сети СССР. Их международный авторитет интенсивно использовался в целях внешнеполитических репрезентаций советской позиции в том или ином регионе мира, для подтверждения мирного характера социалистических инициатив или позиций конкретного лидера (см. ил. 1). Послания или речи обладателей премии обрамляли публикации в центральной советской прессе и журналах, распространявшихся за границей; предыдущие лауреаты приглашались с выступлениями на чествование лауреатов последующих. Например, весомый вклад Л. И. Брежнева в обеспечение мира подтверждали на церемонии Р. Гутуззо и Г. Трайков⁵⁷, а постановочные фотографии церемоний и встреч лауреатов и членов комитета являли визуальные свидетельства широкого круга «симпатизантов СССР» за рубежом (см. ил. 2–3). В год 100-летнего юбилея Ленина именно обладатели премий представлялись продолжателями его дела по всему миру и воплощением успехов советских миротворческих усилий.

Ил. 1. Бидstrup X. Сильные руки революции. 1960 (источник: Херлуф Бидstrup. Жизнь и творчество / сост. М. Б. Косова. М., 1988. С. 29)

Ил. 2. X. Бидstrup (лауреат Премии) с М. Андерсеном-Нексе (член комитета) (источник: Херлуф Бидstrup. Жизнь и творчество / сост. М. Б. Косова. М., 1988. С. 53)

Ил. 3. Х. Бидstrup после вручения Ленинской премии. На снимке (слева направо): художник-карикатурист Б.Ефимов, Х. Бидstrup, киноактриса Л. Орлова, кинорежиссер Г.Александров и Эллен Бидstrup (1964) (источник: Херлуф Бидstrup. Жизнь и творчество / сост. М. Б. Косова. М., 1988. С. 53)

Со своей стороны, отдельные лауреаты воспринимали себя как особых друзей Советского Союза, которые в любой момент могут рассчитывать на его поддержку, прежде всего финансовую. Так, в 1962 г. японский деятель искусств А. Сэки выразила свое недовольство отказом комитета оплатить ее перелет из Токио в Москву в целях посещения дочери, обучающейся в московской консерватории, а также организации лечения в санатории Барвиха. Несмотря на предложение работника сопосольства воспользоваться альтернативным финансированием советского конкурса П. Чайковского, Сэки настаивала на особом отношении к лауреату Ленинской премии⁵⁸.

О зеркальном эффекте влияния посланий советской культурной дипломатии внутри соцлагеря свидетельствует коротенькое письмо белорусского крестьянина, ветерана минувшей войны, который предложил вручить премию самому себе за свои труды по поддержанию мира: «Как можно получить премию по решению поставления (так в источнике. — О. Н.) о присуждении международных Ленинских премий за укрепление мира. За мои труды 1950 года. Я буду Гончаренко Дмитрий Васильевич»⁵⁹. Данный документ является воплощением рецепции советского миротворческого дискурса и внутренних кампаний общественной мобилизации в условиях холодной войны, позиционировавших все советское население в виде сплоченной армии бойцов за мир.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10213).

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9522. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-а.

² См., напр.: *Gienow-Hecht J. C. E., Donfried M. C.* (eds.) Searching for a cultural diplomacy. Berghahn Books, 2013; *Rupprecht T.* Die sowjetische Gesellschaft in der Welt des Kalten Kriegs. Neue Forschungsperspektiven // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2010. Bd. 58. H. 3 (2010). S. 381–399; *Babiracki P.* Soviet Soft Power in Poland: Culture and the Making of Stalin's New Empire 1943–1957. North Carolina, 2015; *Mikkonen S., Koivunen P.* (eds.) Beyond the divide: entangled histories of Cold War Europe. New York, 2015.

³ *Gould-Davies N.* The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // *Diplomatic History*. 2003. Vol. 27, no. 2. P. 193–194.

⁴ *Орлов И. Б., Попов А. Д.* Импортная вещь и дух консюмеризма: потребительские аспекты выездного туризма в СССР // *The Soviet and Post-soviet Review*. 2016. Vol. 43. P. 182–218; *Попов А. Д.* Lost in translation: гиды-переводчики «Интуриста» и оправдание советской действительности // *Новое литературное обозрение*. 2016. № 6. С. 54–65.

⁵ *Babiracki P.* Imperial Heresies: Polish students in the Soviet Union, 1948–1957 // *Ab Imperio*. 2007. N 4. P. 191–236; *Gestwa K., Rohdewald S.* Verflechtungsstudien. Naturwissenschaft und Technik im Kalten Krieg // *Osteuropa*. 2009. Vol. 59, no. 10. S. 5–15; *Katsakioris G.* Soviet Lessons for Arab Modernization. Soviet educational aid to Arab countries after 1956 // *Journal of Modern European History*. 2010. H. 1. P. 85–105; *Faure R.* Netzwerke der Kulturdiplomatie. Die internationale Schulbuchrevision in Europa 1945–1989. Oldenburg, 2015; *Hollings Chr.* Scientific Communication across the Iron Curtain. Berlin, 2016.

⁶ *Romijn P., Scott-Smith G., Segal J.* (eds.) Divided Dreamworlds? The Cultural Cold War in East and West. Amsterdam, 2012; *Mikkonen S., Suutari P.* (eds.) Music, art und diplomacy: East-West cultural interaction and the Cold War. Farnham, 2016.

⁷ См., напр.: *Gould-Davies N.* The Logic of Soviet Cultural Diplomacy. P. 193.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 497. Л. 32–34 (опубликовано: Фонд А. Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69373> (дата обращения: 20.06.2018)).

⁹ Председателем комитета был назначен академик Д. Скобельцын, заместителями председателя — профессор Го Мо-жо (Китай), писатель Л. Арагон (Франция). Члены: писатель М. Андерсен-Нексе (Дания), профессор Д. Бернал (Англия), профессор Я. Дембовский (Польша), писатель Б. Келлерман (Германия), профессор К. Маркези (Италия), писатель П. Неруда (Чили), писатель М. Садовяну (Румыния), писатель А. Фадеев (СССР), писатель И. Эренбург (СССР). Позже состав комитетаполнили: писательница А. Зегерс (ГДР), ученый С. Сокхей (Индия), кинорежиссер Г. Александров (СССР) (ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 1. Л. 13-а).

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 3. Л. 1. — Подобная участь ожидала «внутрисоюзные» Сталинские премии. См. об этом: *Ивкин В. И.* Как отменяли Сталинские премии. Документы ЦК КПСС и Совета министров СССР, 1953–1967 гг. // *Исторический архив*. 2013. № 6. С. 3–49.

¹¹ ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

¹² Там же. Д. 6. Л. 220–227 (Справка о пребывании в СССР членов Комитета по международным Сталинским премиям. 27–29 марта 1951 г.).

¹³ См., напр.: *Алексеев А. Г.* Лауреаты Международных Сталинских премий мира «За укрепление мира между народами». Л., 1954; *Лауреаты Международных Сталинских премий мира: рекомендованный указатель литературы*. Л., 1955; *Толер А.* Арнольд Цвейг — лауреат Ленинской премии мира. М., 1959.

¹⁴ См., напр.: Генрих Брандвайнер — лауреат Международной Ленинской премии мира // *Советское государство и право*. 1958. № 2. С. 100–101; Деннис Ноэл Притт — лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» // Там же. 1953. № 1. С. 95–96.

¹⁵ См., напр.: Выдающийся индийский ученый Чандрасекхар Венкат Раман // *Современный Восток*. 1958. № 3. С. 31–32.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 16. Л. 47.

¹⁷ Там же. Д. 10. Л. 50; Д. 70. Л. 24.

¹⁸ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 3. Оп. 21. Д. 22. Л. 79; ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 50. Л. 7.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 46. Л. 17.

²⁰ Там же. Д. 9. Л. 11.

²¹ Там же. Д. 73. Л. 108.

²² Там же. Д. 72. Л. 8.

²³ Там же. Д. 45. Л. 1, 9 а.

²⁴ Там же. Д. 9. Л. 32; Д. 16. Л. 9–47.

²⁵ Там же. Д. 119. Л. 23, 35; Д. 149. Л. 10.

²⁶ Там же. Д. 10. Л. 1–49.

²⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 21. Л. 23.

²⁸ Там же. Д. 22. Л. 59.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-9522. Оп. 1. Д. 28. Л. 56.

³⁰ Там же. Д. 24.

³¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.

³² ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 93. Л. 65; Д. 109. Л. 5–6.

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 23. Л. 39–40.

³⁴ Там же. Л. 86.

³⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 28. Д. 502. Л. 11.

³⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 21. Д. 21. Л. 39.

³⁷ Там же. Д. 22. Л. 94.

³⁸ ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 90. Л. 13.

³⁹ См. об этом: *Нагорная О. С.* «Нужно передать в дар ряд картин...»: повороты советской культурной дипломатии в периоды кризисов социалистического лагеря 1950–60-х гг. // *Ab Imperio*. 2017. № 2. С. 123–143.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 111. Л. 8–20.

⁴¹ Там же. Д. 9. Л. 33.

⁴² Там же. Д. 74. Л. 1.

⁴³ Там же. Д. 20. Л. 8.

⁴⁴ Там же. Д. 75. Л. 3.

⁴⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 21. Л. 128.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 113. Л. 2.

⁴⁷ Там же. Д. 156. Л. 3.

⁴⁸ Там же. Д. 120. Л. 17–19.

⁴⁹ Там же. Д. 76. Л. 16–18, 19, 21–26, 41, 42–43, 44, и т. д.

⁵⁰ Там же. Л. 27.

⁵¹ Там же. Л. 50.

⁵² Там же. Л. 96.

⁵³ Там же. Л. 51.

⁵⁴ Там же. Л. 86.

⁵⁵ Там же. Л. 94 (автор текста неизменно пишет слово «лауреат» с орфографической ошибкой — «лауриат»).

⁵⁶ Там же. Д. 93. Л. 83.

⁵⁷ Правда. 1973. 1 мая.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 93. Л. 45.

⁵⁹ Там же. Д. 76. Л. 39.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Нагорная О. С. «Если друзья сочтут целесообразным выдвинуть... мы поддержим»: Международные Ленинские премии мира в системе советской культурной дипломатии // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8, № 3. С. 737–753. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.313>

УДК 94(47).084.9

Аннотация: Статья посвящена изучению институциональной истории Комитета по вручению Международных Ленинских премий мира, презентационного оформления его решений в целях реконструкции специфики советской культурной дипломатии: формирования и трансляции миротворческого дискурса, способов воздействия на международную общественность, рецепции советских символических посланий целевыми аудиториями. В качестве источниковой базы использованы архивные документы и опубликованные материалы партийных и государственных органов, пресса и публицистика, письма граждан. Методологической основой выступили подходы и методы глобальной и транснациональной истории, культурной истории, концепции транснациональных сетей, мягкой силы, *event*-менеджмента. Масштабно инсценированный проект премий мира, продвигавший СССР в качестве альтернативы Нобелевской премии, служил целям позиционирования идеи «миротворчества по-советски», символического поощрения лояльности к социалистическому лагерю выдающихся акторов холодной войны, смягчения конфликтов в странах-сателлитах, символической мобилизации собственного населения. Период правового оформления деятельности комитета совпал с кризисом структур довоенной культурной дипломатии в новых условиях необходимости репрезентации СССР как страны-победителя. На протяжении 40 лет существования внешний имидж и внутренние дискуссии комитета отягощались вопросом о самостоятельности и свободе решений. Внутренняя документация свидетельствует, что советские партийные органы не столько использовали средства открытого давления на членов комитета, сколько манипулировали составом органа, куда включались лояльные СССР представители международной общественности. Косвенными средствами воздействия служили условия приема членов комитета, а также инструктаж его представителей из числа советских деятелей. Лауреаты Ленинских премий мира становились важными звеньями культурно-дипломатической сети СССР. Их международный авторитет интенсивно использовался в целях внешнеполитических репрезентаций советской позиции в разных регионах мира, для укрепления позиций конкретного лидера. Рецепция премиального проекта рядовыми гражданами разных стран отражала реакцию на противоречия советского миротворческого дискурса, а также непонимание стремительных, часто конъюнктурных и непоследовательных поворотов советской внешней политики.

Ключевые слова: транснациональная история, советская культурная дипломатия, холодная война, Международные Ленинские премии мира, международные отношения, мягкая сила, *event*-менеджмент.

Сведения об авторе: Нагорная О. С. — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия); nagornaja.oxana@mail.ru

FOR CITATION

Nagornaya O. S. "If friends Find it Advisable to Put Forward... We Will Support": the International Lenin Peace Prizes in the System of Soviet Cultural Diplomacy', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 3, 2018, pp. 737–753. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.313>

Abstract: This article is dedicated to the study of the institutional history of the International Lenin Peace Prize Committee with the aim of reconstructing the specificity of the soviet cultural diplomacy: the formation and broadcasting of peace-making passwords and methods of influence on the international community, the receptions of the soviet symbolic messages by target groups. As the source base, the author made use of archive documents and published materials of party and state bodies, press and journalism, citizens' letters. As the methodological foundation of the analysis emerged the approaches and methods of global and transnational history, cultural history. The largely scaled staged project of Lenin's (Stalin's) Peace Prizes promoted by the USSR as the alternative of the Nobel Prize, was used for the aims of positioning the idea of "the soviet-style peacemaking", the symbolic encouragement of the loyalty to the socialist camp of the remarkable actors of the Cold war, the conflicts moderation in the satellites countries, symbolic mobilization of their own population. The period of legal registration of the Committee's activity coincided with the crisis of the pre-war cultural diplomacy's structures under the conditions of the necessity of the Soviet Union's representation as the winning country. The external image and the internal discussions of the Committee were burdened by the question of self-dependence

and freedom of decisions. The internal documentation gives evidence of the soviet party bodies' using not only the means of open pressure on the Committee members, but also their manipulating the body, which included the loyal to the USSR representatives of the international community. As the indirect means of the impact served the conditions of the committee members' admission as well as its representatives' instruction among the soviet public figures. The laureates of the Lenin Peace Prize became important links in the USSR's cultural diplomatic networks. Their international authority was intensely used with the aim of the foreign policy representations of the soviet position in different regions of the world for strengthening the position of the certain leader. The reception of the honours project by ordinary citizens of different countries reflected the reaction of the contradiction of the soviet peace-building discourse as well as incomprehension of fast-moving often populist and inconsistent turns of the soviet foreign policy.

Keywords: transnational history, soviet cultural diplomacy, Cold war, Lenin Peace Prize, international relations, soft power, event-management.

Author: *Nagornaya O.S.* — Doctor in History, Head Researcher, South-Ural State University (Chelyabinsk, Russia); nagornaja.oxana@mail.ru

References:

- 'Dennis Noyel Pritt — laureat Mezdunarodnoy Stalinskoy premiy mira "Za ukreplenie druzby mezdu narodami"', *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 1, 1953.
- 'Genrikh Brandwayer — laureat Mezdunarodnoy Leninskoy premii mira', *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 2, 1958.
- 'Vidayuschiy indijskiy uchenyy Chandraseker Venkat Raman', *Sovremennyy Vostok*, no. 3, 1958.
- Alekseev A. G. *Laureaty Mezdunarodnyh Stalinskih premiy mira "Za ukreplenie druzby mezdu narodami"* (Leningrad, 1954).
- Babiracki P. 'Imperial Heresies: Polish students in the Soviet Union, 1948–1957', *Ab Imperio*, no. 4, 2007.
- Babiracki P. *Soviet Soft Power in Poland: Culture and the Making of Stalin's New Empire 1943–1957* (North Carolina, 2015).
- Faure R. *Netzwerke der Kulturdiplomatie. Die internationale Schulbuchrevision in Europa 1945–1989* (Oldenburg, 2015).
- Gestwa K., Rohdewald S. 'Verflechtungsstudien. Naturwissenschaft und Technik im Kalten Krieg', *Osteuropa*, no. 10, 2009.
- Gienow-Hecht J. C. E., Donfried M. C. (eds.) *Searching for a cultural diplomacy* (Berghahn Books, 2013).
- Gould-Davies N. 'The Logic of Soviet Cultural Diplomacy', *Diplomatic History*, Vol. 27, no. 2, 2003.
- Hollings C. *Scientific Communication across the Iron Curtain* (Berlin, 2016).
- Ivkin V. I. 'Kak otmenyaly stalinskie premii. Dokumenty ZK KPSS i Soveta ministrov SSSR, 1953–1967 gg.', *Istoricheskyy arhiv*, no. 6, 2013.
- Katsakioris G. 'Soviet Lessons for Arab Modernization. Soviet educational aid to Arab countries after 1956', *Journal of Modern European History*, no. 1, 2010.
- Laureaty Mezdunarodnoy Stalinskoy premiy mira. Rekomendovannyi ukazatel literatury* (Leningrad, 1955).
- Mikkonen S., Koivunen P. (eds.) *Beyond the divide: entangled histories of Cold War Europe* (New York, 2015).
- Mikkonen S., Suutari P. (eds.) *Music, art und diplomacy: East-West cultural interaction and the Cold War* (Farnham, 2016).
- Nagornaya O. S. "'Nuzno peredat' v dar ryad kartin": povoroty sovetской kulturnoy diplomatii v periody krisisov sozialisticheskogo lagerya, 1950–60-kh gg.', *Ab imperio*, no. 2, 2017.
- Orlov I. B., Popov A. D. 'Importnaya vetch i duh konsyumerisma: potrebitel'skie aspekty vyezdnogo turisma v SSSR', *The Soviet and Post-soviet Review*, no. 43, 2016.
- Popov A. D. 'Lost in translation: gidy-perevodchiki "Inturista" i opravdanye sovetской deystvitel'nosti', *Novoe literaturnoe obosrenie*, no. 6, 2016.
- Romijn P., Scott-Smith G., Segal J. (eds.) *Divided Dreamworlds? The Cultural Cold War in East and West* (Amsterdam University Press, 2012).
- Rupprecht T. 'Die sowjetische Gesellschaft in der Welt des Kalten Kriegs. Neue Forschungsperspektiven', *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*, no. 3, 2010.
- Topev A. *Arnold Zweig — laureat Leninskoy premii mira* (Moscow, 1959).